

Владислав Китик

**О ТОМ,
ГДЕ БЫЛ
И НЕ БЫЛ**

*Киев
Друкарский двор Олега Федорова
2020*

УДК 821.161.1'06(477)-1

К45

Китик, Владислав Андрианович

К45 О том, где был и не был, стихи. — К.: Друкарский двор Олега Фёдорова, 2020, — 120 с.

ISBN 978-617-7817-59-7

«О том, где был и не был...» — новая книга одесского поэта Владислава Китика. В сборник включены стихи, написанные за последние полтора года. Автор придерживается традиции философской лирики, ориентированной на классические образцы поэзии. Стремится к ясности изложения, чтобы кратчайшим путём донести лирическую идею до читателя. Проблемы общефилософские пересекаются с гражданскими мотивами, мимо которых пройти сегодня невозможно.

Однако не заходит за грань, где стихи становятся достоянием политики. Он не претендует на истину, ставя во главу угла поэтическое самовыражение.

УДК 821.161.1'06(477)-1

ISBN 978-617-7817-59-7

©Китик В. А., 2020

©Издатель Фёдоров О. Н., 2020

ОБ АВТОРЕ

Владислав Адрианович Китик. Родился 15 декабря 1954 года.

Образование высшее: Одесское высшее инженерное мореходное училище (теперь Морская академия). Заочное отделение филфака Одесского государственного университета им. И. Мечникова (русское отделение).

Был моряком, мастером, слесарем, кочегаром, преподавателем. Последние годы — на журналистской работе.

Член Национального союза журналистов Украины. Член Национального союза писателей Украины с декабря 2017 года.

Выходили стихотворные сборники: «Встреча» (один из трёх авторов), 1990 год. Издательство «Маяк». В 2012 году сборник стихов «Случайности и совпадения». Коллективный сборник «Глаголы настоящего времени», 2013 г. В 2015 году — «Мечты и очевидность». В 2017 году — сборник «Внутренний голос», 2018 год сборник «Твоё — с тобой».

Были публикации в «толстых» журналах, литературных альманахах, интернет-изданиях.

Дипломант премии имени Кириенко-Волошина (Киев, 2017 г.),
лауреат премии им. Паустовского (Одесса, 2018 г.)

* * *

Дымящая горечь равнины
Слезой закрывает глаза,
А думный напев Украины
Забыла в тени дереза.

Здесь не довелось мне родиться,
Но здесь суждено умереть.
Летят перелётные птицы
Так долго, что больно смотреть.

Осколком проносится кречет,
И падают гильзы в траву,
И мечется время и мечет
Свой бисер.

Уже наяву

Живя в этом скаче и ритме,
Здесь, а не в чужой стороне
Сгорать за грехи предстоит мне
И каяться в этом огне,

И штопать свистящие дыры
На стыке стихий, на меже,
Где нет вожделённого мира.
Лишь брезжит сквозь бреши в душе

Готовые даже к закланью
И выдох струны кобзаря,
И слово-подранок «коханья»,
Понятное без словаря.

Когда был берег пуст,
и ни причал,
Ни мачты с фонарями на макушках
Не грезилась ему,
у диких скал
Ракушке ветер на ухо шептал
То, что навек запомнилось ракушке.

С тех пор в ней шум сакральный...
Разбери
Те голоса, что слышатся внутри, —
В спирали, сжатой, как виток сознания.

Приморский ветер треплет рукава.
В пространстве том, где родились слова,
Я не был. Но — ловил его дыханье.

ОДЕССА — КИЕВ

И. Ковальчук

Отсюда, где море зачато в безбрежье степном,
А степь — продолжение Чёрного моря,
отсюда

Я еду на север. И трасса верстается в том
Заметок своих путевых и дорожных этюдов.

Свет-город встречает, откинув, как плед, налегке
И краску смущенья, и оторопь непостоянства.
Чтоб вволю напиться, спускаются вербы к реке,
Воспетой столетьями в белых одеждах славянства.

... Столичный отель. Тишина. Горбоносый портье.
Как стрелки, по кругу проходит скрипучий троллейбус
У плёса, где Лыбедь застыла в недвижимой ладье.
Прекрасна княжна, но влюбляться в виденье — нелепость,

Как быть воскрешать.

Лишь в тоннельном галопе метро
Из древности слышатся ветра поющие герцы.
И часа творения жаждет и ноет ребро,
Которым, как веткой ольхи, прикрывается сердце.

* * *

Все, как по нотам: клёкот страсти.
Мятеж. Переворот зеркальный
Как способ отраженья власти.
Созданье символов опальных.

Триумф. Надежды. Обещанья.
Призыв к аналогам былого.
Страх. Депрессивное молчанье
Как плата за свободу слова.

Что от переустройства мира
Вернёт к себе?

Ах, неужели
Шаги державинской Плениры,
Свирель для маленькой Адели?

В ПОДРАЖАНИЕ Ф. ВИЙОНУ

Когда — в копейку белый свет,
И за душою ни гроша,
Суть не в отсутствии монет,
А в том, что всё же есть душа.

Она — раскрытая тетрадь,
И перелётная, как весть, —
Лишь не находит благодать,
И мается... Но, значит, — есть.

Не только в мире требухи,
Шальных проблем, чумных дилемм,
Но и в словах, что так тихи
Затем, что прочены не всем.

Не мне ручаться за неё:
Куда стремится, где живёт,
Как правит жизни остриё,
О чём молчит и с кем поёт...

Но лишь кукушка у ручья
Закончит счёт моим годам,
Её не в чьи-то руки я,
А Богу, словно долг, отдам.

ПОПУТНОЕ...

Дождём стекает осень со стекла,
Как золото. И ты — искатель кладов,
Нашёл приют последнего тепла
На перекрёстках в смуте листопада.

Автобус, вброд форсируя моря,
Битком набит не меньше, чем в июне.
Сидит шофёр, сквозь зубы матеря,
Дороги распутившиеся нюни.

Потом посыплет белая крупа...
Так долог путь, как песни растаманов,
Вот воробьёв залётных шантрапа
Нырнула в сквер, где увядают канны.

Грозь упасть, нависли облака:
Что выше них — безоблачно и ясно.
Я не хочу тревожить сон сурка,
Но обращаюсь к символам негласным.

Мир обозначен створками дверей
И сверху телеграфной строчкой «Выход»,
Чуть суетясь, как сельский брадобрей,
И разнося чесночный чей-то выдох.

* * *

Зима нахлынет белая, как май.
Я впрок сушёных ягод заготовлю
И трав, чтобы варить целебный чай,
И слушать, как подрагивает кровля,

Вникать сквозь сон и законный мрак
В ту песню, что протяжно и гортанно
Крутя шарманку, затаял маяк,
Чтобы развеять грёзы и туманы.

Перетечёт прохлада в холода,
Прихода их воинственное кредо
Я б так хотел оставить навсегда.
Но никуда отсюда не уеду!

И соглашусь, что втайне домосед,
Но не изгнанник. И тогда расслышу
И гул ветвей, и ветра хмурый бред
Как некий голос, что нисходит свыше.

В. Женченко

Устояв на скаку в стременах,
Свят-Георгий, остынь от погони!

...Ждут твою чистокровку в лугах
Молодые вечерние кони.

...Лишь копыт их звенящие блюда,
Лишь мерцанье боков красномедных.

Как уйти, чтобы вновь не вернуться?
Только тени уходят бесследно, —
Без прощания перед уходом.
Только эхо фанфары победной,
Только звёзды в бегущие воды...

Так в конце непутёвого дня
Головою уткнулся в ладони.
...Заблудились в душе у меня
Молодые вечерние кони.

ЧИТАЯ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Не зря по предкам все мы от сохи.
Кто жать не мог, тот вышел в горожане.
Как ветер, свежи древние стихи:
И снова кони за Сулой заржали,

И, полыхая стягами, Путивль
Стал уподоблен взведённой пружине.
И поле — велико, а нет пути!
И, чуя гибель, вороны кружили,

Когда, оставив пашни и жнивьё,
Ни глаз поднять, ни возразить не смея,
Октясь на зорьку, стали под копьё,
Не надышавшись миром, гречкосеи.

Им чести бы хватило, но побед
Желали те, кто гнал их в бой сурово.
А Святослава праведного нет.
Кто сможет молвить золотое слово?

Певец и власть, правитель и народ,
Война — и женщин горестные плачи, —
Боян настолько сладостно поёт,
Насколько голос певческий проплачен.

И города бурлят, как в старину,
Ломают копья ради чьей-то цели.
Сперва пропили целую страну,
Потом прос..ли, наконец, — пропели.

ИЮНЬ

Как рушник петухами вышит,
Чтобы стать оберегом браков,
Красен червень созревшей вишней,
Пирогоми из жарких злаков.

Как в поход провожали жёны
Княжих воинов, — маки в поле,
Наподобье щитов червлёных...
Пой, Боян, о земной юдоли.

Ярославны всегда бесменны!
Паутинка дрожит на браме.
Жжёт слеза... Но не ту ли стену,
Что воздвигнута между нами?

Поднесу тебе полный глечик
Спелых вишен. И правду спрячу:
Для чего я себе перечу?
Почему по тебе не плачу?

* * *

Подтверждена осёдлость адресами.
Обвил Слободку «крученный паныч»*,
Глядят заборы круглыми глазами
От удивленья.
Солнечный кирпич
Покрыл задворки бойкими тузами.

Но облака — подобье куполов.
И хатки цвета белых облаков,
Присев, по-детски прячутся за мальвы.
И крыши, словно смазанные смальцем,
Сверкают. И охрипший часослов
Преображает набожных старушек.
Подвижна тень черешневых верхушек,
Покой и благолепье тишины
Пронизаны песочным роем мушек.
На том же месте — те же кочаны,
Кудрявой занавески — тот же рюшик,
Бутылочных осколков — та же смальта,
Усердных грядок рыжая морковь...
Здесь всё, чтоб вспомнить давнюю любовь.
Но мне другая подарила мальву.

* вьюнок.

В ПРИМОРСКОЙ СТЕПИ

Где, словно скифский щит, звенела
Кочуя, медная луна,
С утра, что петь могло — то пело,
Что возвращалось, — то сполна.

Но проступали за туманом,
Века в крови и молоке.
И был Андреем Первозванным
Здесь след оставлен на песке.

В одной истрёпанной сорочке,
Прожжённый солнцем до костей,
Он шёл на бесов в одиночку
И гнал непрошенных гостей.

Не знавший разочарованья
Глашатай каменных цитат,
Он, избегая подражанья,
Был на косом кресте распят.

Сливался с ветром вой волчицы,
Копыт рассыпалась печать.
Я шёл к тем далям приобщиться
И в той же тишине молчать.

Но даже здесь был отзвук драмы,
Где роли распределены,
Где метят выродки и хамы
Попасть в державные паны.

Избранцы лгут, чины шельмуют,
Сгущая дым народных смут,
И втайне родиной торгуют, —
Совсем задаром отдают.

И покаянья их притворны,
Как милость к нищим у ворот...
Кто Первозванного повторно
На землю скорбную зовёт?

И дрогнул сизый можжевельник,
И тень поднялась надо мной,
И вновь суров святой отшельник,
Занёсший посох над страной.

Часы стоят. Эпоха перемен.
Глаза отводит вдовья держава
От труб остывших и карнизов ржавых,
И от анабиоза голых стен.

Нет больше тех лесов, полей и рек,
Но не изъять из времени мой голос:
Мололи всех — не всё перемололось, —
Лишась его, неполным будет век.

Пока не пережил — не различишь,
Что в нем любовь и что её подобье?
Питает дождь сады и неудобья.
Чуть выше проводов, чуть ниже крыш

Клубится правда сказок и дорог,
Где проступают в тряске серых рытвин
И облик явный, и характер скрытый,
И затаённый в сердце уголок

Земли, которой я не позабыт,
Где вновь очнулся бой часов степенных,
И, покоряя море по колено,
Кораблик детства издали трубит.

* * *

Зной ли блещет, светлый дождик льёт,
Мёрзнет ли кора, играет сок ли:
Половина дерева — цветёт,
Половина дерева — засохла.

«Зелентрест» задумался едва
И решил дилемму «или — или»:
Половина дерева жива,
Половину дерева — спилили.

Снова дождь прошёл, и снова зной.
Новый ракурс — новое рождение,
Ветки бывшей осени — весной
На траву ложатся куцей тенью.

Дням расти, и дереву — расти.
Вот опять дождя и солнца просит,
И когда приходит час цвести —
Зацветает... Но — не плодоносит.

«И шестикрылый серафим...»

А. Пушкин

Ставить точку пока ещё рано...
Пустошь аэродрома светла.
Тарахтит этажерка биплана,
Архаичны четыре крыла.

Чтоб лететь в небесах серафимом,
Только двух не хватает ещё.
То, что понято, горше любимо,
Что не понял — за то не прощён.

Так ли скрытая жажда озноба,
Неосознанной воли игра
Побуждают к отбору и пробам
Пусть не крыльев, хотя бы пера?

В этих пробах мы все одиноки.
Потому ли себе вопреки
Осторожнее стали пророки,
Поостыли их ученики?

Так ли внемлю и я, что напротив
Там, где ангелы и журавли,
Дожигает бензин самолётник,
Чтобы выйти из мёртвой петли?

* * *

Разве мало весны с переменами ежеминутными?
Ну, куда ты? Зачем? Или плохо тебе на земле?
Я потом научусь возводить купола парашютные, —
Ты возьми в полнолуние с собой полетать на метле.

Вечный гуманитарий, сегодня я воздухоплаватель.
Свесив ноги, сижу и к тебе прижимаюсь плечом.
Я склонился над городом, словно алхимик над сплавами.
Счастье — миг откровенья, когда тебе всё нипочём.

А теперь не хожу я по улицам, вместе исхоженным.
После мягкой посадки мы странствуем по одному.
Спецэффекты — обман. Мужик в небеса не положено.
Розу вешних ветров больше я не дарю никому.

Буду книги читать и лепить по субботам вареники,
«Телек» переключу с мелодрам на другое кино.
И ко сну отойду, покружив по квартире на венике,
Перед этим плотнее от неба зашторив окно.

А тебе принесу средство передвижения новое
Не на праздник, не к дате, а так... чтоб на душу легло:
Тонких прутьев охапку и лёгкое древко кленовое,
Чтобы править на облако было не так тяжело.

Живя в пространстве для меня ином,
Бог говорит на языке земном,
Поскольку я небесный глас не слышу...

Слетает щебет с воробьиной крыши,
За дом мой просят образа в углу,
Скучая по домашнему теплу,
Вздыхает в трубах ветер по ночам.
Закончена работа черновая:
Мир сотворен. Я только повторяю
Названья, что уже даны вещам.
И без меня хватает дел у Бога,
Но я ищу, хоть не найду никак
Слова такие, сказанные так,
Чтобы дойти от просьб до диалога.

* * *

Поверив обещаньям ветра,
Готова с ветками расстаться
Листва, — и вот дрожит, как веки,
Найдя в разлуке святотатство.

Реальность осени!

Но где я?

В какой невыдуманной сказке?
И пряди жёлтых крон редеют,
И время движется к развязке.

Пора перерождений дольных
Предстала, на глазах сгорая,
Внезапной, яркой и... недолгой, —
Совсем, как молодость вторая.

ЛИСТОПАДНОЕ

Оборвётся, а там и забудется речь листвы,
Будет некому вторить — замрёт в подворотне эхо.
Лишь проникнешься просьбой: «Да полно, оставьте вы...», —
И уже расхотелось куда-то спешить и ехать.

Выйдя, уши замкнёшь, и помех посторонних — нет:
Тишина стоит, словно в пустом танцевальном зале,
Где в углу пианино, и вытоптаный паркет
Вместо стёртого лака сверкающим солнцем залит.

Но опять возвращаешься, чтобы начать с азов:
Ночь — итогом, звенящий рассвет — недосыпом.
В перебранке клаксонов, тушуясь под визг тормозов,
Листопад переходит на шёпот, и сыпет, сыпет,

Со спины подбирается, в ногу с тобою идёт,
Наполняется музыкой той, что ниспослана свыше.
Он, как внутренний голос, который и в малом не врёт,
Но шумами забит, и поэтому, еле слышен.

МОЕМУ ДЕДУ

Бывший сельский словесник, — он влип в передрагу
И с отчаянья стал скрипачом-самоучкой.
Пострадав за идею, очнулся бродягой,
И с клеймом «политический» умер беззвучно.

Дед ходил по дорогам зелёной Молдовы
То о чарке мечтая, то о ломтике сырном.
В час цветения яблонь он снова и снова
Для молодок наяживал страстную сырбу.

Где он умер и как, — не найти очевидцев
И когда-нибудь знавших его домочадцев.
Но давнишней истории тёмные лица
В бессловесной толпе продолжают встречаться.

А мой дед всё бредёт и под блеск Зодиака
Скрипку в руки берёт, о судьбе не жалея,
Или смотрит сквозь время в оконце барака
С укоризной и нежностью: «Ах, дуралеи».

...Останутся и вид на Ланжерон,
И, кроме волн, прозрачных от лазури,
Облезлый парк, пустой аттракцион,
И на зубах хрустящий хачапури.

И лирик тот, что, видимо, в тоске
Кромсал скамейку, чтоб решить задачу.
Плюс между двух имён. Сучок в доске.
Знак равенства... Любовь... А как иначе?

Из слов, которых некому сказать,
Рождаются стихи. Лишь тет-а-тета
По телефону лучше избегать.
Как мотыльки, сложили крылья тенты.

Останутся ребристый блеск бортов,
И челнока падения и взлёты.
Радушный пляж не любит холодов
И теорем, приближенных к расчёту.

Опять надежда — логики сильней,
Страницы книг бессонница листает,
Всё так же: чтоб прозреть в один из дней,
Лишь комариной плешки не хватает.

И свежий взгляд, и лёгкость на заре,
Уключины с присущим им фальцетом,
Горланящие чайки, в октябре
Такие же крикливые, как летом,

И начатый недавно день уже
Останутся как жизненная ценность,
Под хруст аджарской выпечки — душе,
Не доказав, что время — это бренность.

Поджимая колёса, как будто озяб,
И дрожа на лету,
Прорывая тумана потрёпанный драп,
Набирал высоту
Самолёт.

Можно жить без оглядки назад,
Но смотреть с высоты,
Как столетнею ватой барашки лежат
И белеют хребты.

И заводит при виде кавказских вершин
В круглой кепке старик
Виноградную песню застольных грузин
Под младенческий крик, —
Чистоте его внял и на крыльях унёс
Норовистый Пегас.
Луч зажёгся в копне твоих рыжих волос
И, как осень, погас.

Чтоб достичь тебя нужно постичь вертикаль
В десять тысяч шагов,
За спиною оставив чужую печаль
Городов и снегов,
Тесный глобус, где маются материки,
И нащупать рукой
Чёрно-белую клеточку чистой доски.
Сделав ход! А какой?

Все под звёздами, как перед Богом, равны,
Только я не хочу
Ни войны, ни вражды, ни земной седины,
Чтоб затеплить свечу.
Отрешась от казённых домов, где враньё
Проступает сквозь грим,
Неуклюже молюсь, чтобы небо твоё
Оказалось седьмым.

Но о будущем нашем известно уже,
В многослойных мирах.
Сизый лайнер гудит на крутом вираже,
Бродит эхо в горах.
И не дольше, чем есть, ожиданье,
когда

Взгляды соединя,
В тёмном иллюминаторе та же звезда,
Что в окне у меня.

Простая гамма сложных отношений.
Не доиграв этюд, рояль затих.
Нет ни увещеваний, ни решений.
Заварен кофе только на двоих.

Пусть золотой не видно середины:
Лишь сентября *glissando* и круги,
И, ослабляя нервную пружину,
Звук метронома гаснет, как шаги.

Так хорошо, что большего не надо,
Так близко всё, что незачем спешить.
Легко принять свободу за награду,
И за ошибки жизнь благодарить,

И краем глаза видеть след помады
На белой чашке с тонким ободком,
И тишиной горчинку листопада
Смягчать, как чёрный кофе молоком.

БАТУМИ

Гуляет по улочкам говор гортанный,
Харчевни с крыльца зазывают туристов,
В воде отразив разноцветные страны,
Вдали с горизонтом сливается пристань.

Ты смотришь сквозь редкие листья ореха
На башню эгресскую с гордой осанкой,
Теряясь в пространстве, как горное эхо,
Как улочки города с древней огранкой.

Сейчас там, подняв беззаботный стаканчик
Прозрачного, как небеса, цинандали,
Поёт и не знает усатый духанщик,
Кто выдумал эти безмерные дали.

И если не песня с течением вечным, —
Подскажет нежданное чувство слепое,
Что мы, одинаково глядя на вещи,
В единстве и станем самими собою.

Повисла над крышами тучка баранья,
Ручьями теней растекается вечер.
Лежит между нами одно расстоянье
С возможностью и невозможностью встречи.

Время то снегом идёт, то дождём...
То подставляешь ладонь звездопадам.
Что ж мы друг друга никак не найдём,
Будто забыв, что нездешнее — рядом?

Вновь ворошит с любопытством рассвет
Воспоминанья, как письма в шкатулке.
Что ж мы блуждаем, и каждому вслед,
Щурясь от солнца, глядят переулки?

Поиск вчерашнего дня на потом
Перенести бы рассеянным взглядом.
Где эта улица? Где этот дом
С криком грачей над щербатым фасадом?

Возглас предательски громкой петли?
Дверь, а за ней — всё, что было вначале?
...Будто давно мы друг друга нашли
И не заметили, как потеряли.

* * *

Оттого и время — золотое,
Что, суда не зная над судьбой,
Наступает странное, шестое
Чувство новой общности с тобой.

И хотя реальность однозначна,
И привычен ей житейский скарб,
Всё — как прежде, но уже — иначе...
Дождь резвится, как зеркальный карп,

Вместо роя гулких насекомых
В небе замки радугой висят...
Что иным казалось, то — знакомым
Оказалось много лет подряд.

Ни былого, ни следов, ни пыли, —
Только слиться с ливнем, а потом
Удивляться, как мы раньше жили,
Притворяясь, будто мы живём.

В МОНАСТЫРЕ

Подъём терпеливый и храм на горе,
И так же, как время ликующим прахом,
Посконная риза, подобно коре,
Объяла бесстрашные мощи монаха.

Он, глядя всему уходящему вслед,
Задумчив, как облако, мудрый, как сердце,
Он, словно из тех протопоповских лет
Доносит нездешний огонь страсотерпца.

...И срубы скитов погружались во мхи,
И падали чёрных деревьев скрижали,
И старцы трудом искупали грехи,
И воду носили, и камни тесали.

Я был в той обители, в дивной глуши,
Где самопознания вечная драма,
Где камни, что падали с чьей-то души —
Ложились в основу дороги из храма.

ИИСУС

Какие сомненья: конечно же, — был!
Вздыхал свои руки над медными лбами,
Смеялся, кормил маловеров хлебами,
Судьбу узнавал по движенью светил.

Конечно, обратно вернуться сумел,
Но как в человеке любить человека
Не смог объяснить неразумному веку,
А права ему повелеть — не имел.

Рёк истину, только не знал, как сберечь
В умах новизну её лёгкого слога,
Что веровать нужно не в Бога, а — Богу
Как Слову, с дыханьем входящему в речь.

* * *

Каждый отвечает за своё!
Хоть за не подшитое старьё,
За своё молчанье и парады,
Хоть за отвлечённые тирады
О любви и странностях её.

Для чего душе тмутаракань?
Вот бы снова — в дымчатую рань,
Где взамен оскомы лицедействия
Карамелью угощает детство,
И на окна ждёт весну герань.

Где кукушка в ходиках жила,
И надежду совесть берегла,
Не бряцала ржавыми ключами,
И ещё не мучила ночами:
Просто расставляла зеркала.

* * *

Меня с сырых пелёнок
Учили счёту лет
Подкидыш-кукушонок
И мидии брежет.

Шершавостью невзрачной
И прихотями дня
Эпохи круг наждачный
Обтачивал меня,

Чтоб перенял я глянец
Улыбки неживой,
Чтоб жил, как новобранец, —
Сержантской головой.

Но смех и бормотанье
Всех будущих детей
Я повторил заране,
Ещё с молодых ногтей.

Звонок. Вот-вот начнется лицедейство.
Каштаны сентября стучатся в детство.
Так осень заставляет иногда
Задуматься о жизни спозаранку,
Когда с цветов, всю ночь стоявших в банке,
В рукав противно капает вода.

И доведёт ли до добра ученье,
Когда из правил больше исключений,
Чем правил? А случайность — лишь пример
Того, как неизбежность правит нами.
Отцу важней торговый флот, а маме
Известный только ей Аполлинер.

Красивей банты, чем соученицы.
Не мне ли предстоит потом влюбиться,
Не зная, почему в одну из них?
И в двоичнице чудное виденье
Выискивать, и ждать её с терпением,
На сквозняках подъездов проходных.

Но вот велют гуськом идти в пенаты.
Дарю улыбку фотоаппарату, —
Таких сегодня в обиходе нет:
С гармошкой и смешным названием «Лейка».
Звонок. Сентябрь. И школьная линейка
Как инструмент для измерения лет.

У города на каменном лице
Не видно прежней радостной улыбки,
Как будто роль ведущей первой скрипки
Играет барабан.

А там, в конце

Крикливого двора, где рос «чумак»*,
Что жертвой пал жилкоповской интриги,
И пень, и стену цвета мамалыги,
Легко б забыл, тем паче натошак,

Когда бы не подъезд, где ты живёшь,
И расцветает кактус на окошке,
И воробей веснушчатые крошки
Ворует, как пронырливый Гаврош,

Когда б, хоть подгорев, зато тобой
На праздник не был выпеченным штрудель,
И не дразнил бы, как игривый пудель,
Тряхнув густыми лохмами, прибой,

И, отгремев, стальная колея
Не уводила б лунною дорожкой
Туда, где с ходу прыгнув на подножку,
Вослед мне машет молодость моя...

* дерево-дичок.

О ДЕТСТВЕ

Что тот школяр, что выросший двойник!.. —
Опять, усвоив правила нечётко,
На подпись, будто вечный ученик,
Несу свою досадную зачётку.

В который раз попытка повторить —
Как сдать в ремонт расквашенные бутсы,
Перегореть, печали ветром сбрызнуть,
И на дорогу в детство оглянуться:

Туда, откуда должен был уйти,
К чему уже не нужно возвращаться,
Соотнося года с длиной пути,
С неведеньем, что виделось как счастье.

* * *

Вчерашний день у перекрёстка
Смолит для форса папироской,
Глядит у лавочки питейной
На ножки барышни кисейной.

Подобье шахматной фигурки
Теряется в дыму окурка
Под разноцветным листопадом!

...Вот так и шёл бы с нею рядом
Под охровым, янтарным, красным,
С туманным будущим, с неясной
Развязкой...

Обморочно где бы
Так падало листвою небо?

Среди надежд и имитаций
Давно могло бы не казаться,
А быть:

 побег под дождь из дома
В грозу с басистым майским громом,
То выбор платья, то обоев,
Что нравились бы нам обоим,
На тёплой кухне посиделки,
Уткнувшиеся в полночь стрелки,
Чтоб снова каждый год и снова
Не замечать в канун еловый
Нежданной осени сединку,
У губ запавшую морщинку.

ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР

Легко своей догадке предавайся,
А хочешь: верь взлетевшему грошу!..
Качнулся зал в предошущенье вальса.
Но я тебя на танец не прошу.

Зачем вселяет музыка надежду,
И вторит вальс кружению светил?
Зачем любить бы мог тебя, как прежде
Я никого ни разу не любил?

Зачем плывёт у ног паркетный глянец,
Ждёт у крыльца ревнивое такси?
Ты пригласи меня на белый танец.
Из озорства, но всё же — пригласи.

* * *

Шумят дубами или ропщут
Дубы в преддверье листопада?
Прохладой осеняет роща,
Покою радуется прохлада.

Луч синеву пронзает косо, —
Так входит ключ в замок с секретом.
Как ставить правильно вопросы,
Чтоб слышать верные ответы?

Сказать захочешь — и не скажешь,
Задумаешься — не ответишь,
Тропа неровный путь укажет.
Пойдёшь, куда подует ветер.

И отклики листвы блаженны,
Дупло зевает, как спросонья,
А жизнь проста и совершенна,
Как звонкий жёлудь на ладони.

И, значит, мы не зря блуждали,
Так повторяя круг за кругом,
Как будто снова создавали
Себя, и вместе с тем — друг друга.

Упрямый поезд искры мечет,
И дальняя дорога лечит
Движеньем. И толкает в бок.
И всё, что я, — собой не понят, —
Забуду, то дорога вспомнит,
Связав походный узелок.

Беспечно, как отроковица,
Считает пёрышки синица,
И песнопения лоза
Рождает: всё твоё — с тобою!
Пусть будут сердца перебои,
Любви не вымолит слеза,

Впадёшь и в милость, и в немилость.
Но что ещё бы ни случилось
И чем бы в первое число
Ни удивил почтовый ящик,
Свое, считая настоящим,
Нести не так уж тяжело.

Пусть жизнь итоговой чертою
Пересечёт.

Всё нажитое
Пребудет и за ней с тобой.
И даже время не отнимет
Тебе доверенное имя,
Однажды данное судьбой.

* * *

И вечер, что растрогал иву,
И прошлое, с которым квиты,
Для нас и памятно, и живы,
И потому сто раз подшитый
Пиджак обнимет спинку стула,
С былой горчинкой звякнут тосты.
Я буду старым и сутулым,
А ты ворчливою и толстой.
Но мы пойдём, как прежде, мимо
Рядов мешочного базара,
Церквушки, бережно хранимой
Святой Марией, вдоль поджарой
Казармы, — по тому же кругу,
Чтоб я, над будущим шаманя,
Опять твою сжимал бы руку
И согревал в своём кармане.

Войну создают. И в основе её — интерес
Корыстный (хоть это негласно)...

Свободные уши
Насквозь прожужжали известья, влекущие стресс.
Стреляют солдаты, а ранят невинные души.

Есть гранки газет, но и то, что сквозит между строк,
Слова — но и то, что бесстрастно стоит за словами.
Событий повтор — как песочных часов кувырок:
Примеры истории есть даже в школьной программе.

Наверное, жить веселей, оставаясь в плену
Благих предписаний, похожих на стереотипы.
Кто вспомнит жену, кто в сердцах помянёт сатану,
Кто голос трубы, доведённый до смертного хрипа.

Столбы — как кресты, и дорога — как путь в никуда.
От чуждого шума окрестность покинули стаи,
И ветер, как марлю, секут на бинты провода,
Под гнётом своей пустоты над землей провисая.

* * *

Умы — во тьме. Отечество в тумане.
Точней — в дыму и вздыбленной пыли!
А я всё больше думаю о маме
И восхожденье к небу от земли.

За то, чтоб не был сын её убитым,
Поклоны бьёт и ставит свечку мать:
Живым быть лучше, хоть семижды битым,
Живой живых не должен убивать.

Подмешан к воску едкий запах гари,
Накатан шлах колёсами войны,
Хоть присягай кресту, хоть государю, —
Перед собой мы каяться должны.

А в окаянных сумерках сомненья,
Глядит войной раздвоенный народ,
Как пацанов недавних поколение
На костылях в грядущее идёт.

МАСЛЕНИЦА

Лилось масло позолотой сонной,
Жар пылал на вольной Слободе,
Круглый блин, как маленькое солнце,
Распластался по сковороде.

Там на тесте в предвкушенном смаке
Запеклись не просто кренделя,
А судьбы магические знаки,
На которых держится земля.

Кто же душу осенив десницей,
Мог смотреть спокойно в уголок,
Где лежит за радужной божницей
Четвертинка, спрятанная впрок?

И не вспомнить, как на льду в оттенках
Кровяных под ярь-колокола
С кулаками шла на стенку стенка
От избытка сил, но — не со зла?

На неделе масленой, весенней
Можешь правду резать либо лстить, —
Всё пойдёшь прощёным воскресеньем
По дворам повинный лоб крестить.

И гнусавить, что не близок ближний
И не зря побиты с ним горшки,
И что он с повадкой шаромыжной
За порог выносит черепки.

И в Писанье тыкать, где когда-то
Предрекались наши времена!
...Топоры готовят брат на брата
И на ладан дышит виновато,
Опуская голову страна.

Ещё не дав осмотреться, где я,
Меня в исчезнувшую страну
Впустили створки ворот Сугдеи*,
Теперь отверстые в старину.

Как будто древность глядит в бойницы,
И как потомки её кровей
Мы унаследовали границы
С солдатским взглядом из-под бровей.

Но свет небесный нам адресован,
И можжевеловый запах гор,
И христианская боль часовен,
Не утолённая до сих пор.

Лишь камуфляжи на всякий случай
Слегка попахивают войной,
А кольца проволоки колючей
Над коридорами проходной

Венцу из тёрна не причастились.
Горят прожекторы визави.
Что ж мы единству не научились
За разговорами о любви?

* Сугдея — древнее название Судака.

* * *

Скупая папка с личным делом —
Почти архивный фолиант:
Сын века и страны, а в целом —
Товарищ младший лейтенант.

Проев, как дважды два — четыре
Устав, он приглашает вас
Варить картошку — так в мундире,
Играть — так офицерский вальс.

И звёзды примерять к погонам
И мчаться с шашкой наголо
Вдогонку конных эскадронов,
В которых быть не повезло.

Почувствуй жизнь, как боль чужого, —
Он перестанет быть чужим,
И ближний станет близким снова,
И станет близкое — родным.

Щеголеват, задирист, молод,
Он любит водку и войну...
И орден Ленина приколот
К стесняющему грудь сукну.

И давит тяжесть обелиска,
Как завещанье той войны:
Не знать бы лавров, страха, риска
Вчера расстрелянной весны.

У славы тоже есть метаморфозы,
А пафос может быть похож на блеф.
С фасада штаба подписью завхоза
Был, как погоны, сорван барельеф

Отлитого из бронзы полководца.
Как дни эпохи, шли за ним войска.
В дороге к смерти тех первопроходцев
С ним мир иной столкнет наверняка.

Зачем и как? От тайны — не убудет,
А забывать — неблагодарный труд.
Нас хоть и не примирят, но рассудят
Потомки. Да и меньше нас наврут,

Осмыслив, как война походным маршем
Прошла по душам вдоль и поперёк.
Пред этой эпопеей грозный маршал,
Как рядовой, берёт под козырёк.

Что с нами стало б от вождей до урки,
Когда б он был в решеньях мягкотел,
И даже с этим выводком придурков,
Что подрядились править беспредел?

...Ноябрь. Парад. Валторны возглас медный, —
Там перед строем он — на стременах.
Теперь — в опале... Но с клеймом: победный
В своих приросших к сердцу орденах!

Вот и сейчас войной рожденный стоик,
Из-под тяжёлых бронзовых бровей
На тех, кто гнева нашего не стоят,
Глядит с улыбкой жёсткою своей.

9 МАЯ

А поэты в предчувствиях правы
От шедевра до грешной строки.
Вновь бросаются дни-волкодавы
И впиваются в горло клыки,

Вновь метафоры злей, но вернее
В пониманье минувших побед.
Хоть истерики, сил не жалея,
Пишут свой исторический бред,

Фронтовые не выпиты граммы
В штыковую ушедших солдат.
Остаются на памяти шрамы,
Бескозырки в музеях лежат

Как в огнях не сгоревшие факты.
Белый госпиталь, хриплое: «Пить», —
И с какого бы льда и фарта
Нам о них предлагают забыть

По велению правящей клики,
Знать не знавшей о передовой
Той Отечественной, той Великой,
Обрамлённой гвардейской канвой?

* * *

То шоу, то дебаты, то пикеты, —
Покоя нет отеческим гробам.
Как брадобрей, за звонкую монету,
Прошёлся митинг пеной по губам.

Кто друг, кто враг, кто влез в чужой курятник,
Кому быть жертвой, палачом, судьёй?
Но каждый «ватник» или «вышиватник»
За два шага до третьей мировой.

В душе разлад, в уме война. В такие
Чумные дни, у бедствия в канун
О чём шумят народные витии
С высокомерно поднятых трибун?

Какой блажной политик, хлопнув стопку,
Стремясь красиво выйти из игры,
Икнув, нажмёт на роковую кнопку,
И божий свет пошлёт в тартарары?

Не лучше ль в силу новых обстоятельств
Свести их всех в один казённый дом,
И аргументом в ходе доказательств
Дать по мешку с их собственным дерьмом?

Пускай, забыв, про танки и про пушки,
И про удел сидеть на порошках,
Они друг друга лупят по макушкам,
Покуда швы не лопнут на мешках.

МИЧМАН

Он так и остался без чина, — не смог
Подняться и звёздную сделать карьеру.
Но в нем балаклавский сиреневый смог
Поддерживал флотский апломб офицера.

Он был после первой ещё не герой,
Но, если задеть самолюбие, — буйный,
И едко насмешничал после второй —
Стареющий мичман по прозвищу Буйвол.

Но часто, наскучив от шумной братвы,
Вкушая изгнание, словно Овидий,
Старательно выбритый до синевы
На море глядел он и моря не видел,

Как там, где тянулись под толщей воды
Отбоев и вахт монотонные чётки.
Сгорели земных вожделений мечты
В горниле реактора атомной лодки.

Он письма писал безответные так,
Что пастовый стержень два раза дырявил
Бумагу над «Ё». И, терзая салаг,
Вбивал в их макушки зазубрины правил.

Когда же шеренга бутылок пустых
Мерцала в паущем углу баталерки,
От жизни трезвея, он делался тих
И волны считал по вечерней поверке.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС Т/Х «УМАНЬ»

Радиооператору Надежде Шевченко

Наверно, день случился судный.
И вот, захлёбываясь пеной,
В далёком море тонет судно,
Не справившись с опасным креном.

Когда над ним сомкнулись воды,
Прервался счёт последней мили.
Об этом медленные годы
И современники забыли.

Лишь помнит старая радистка
Аларм дежурства, и ночные
Слова последней переписки,
И «ключ», отбивший позывные.

И объяснять ей бесполезно,
Что сухогруз остался только
Для судьбоносной синей бездны
Скользящей инородной долькой.

В тени кладбищенской омелы
Весь ужас кораблекрушенья
Закован в грани чёрной стелы.
Ещё просила здесь прощенья

Старушка, — вот цветок засохший,
Её заботу переживший
О всех безвременно усопших
И всех безвременно забывших.

Возводят храмы. И сжигают храмы.
На гнев потомкам, на потеху сброду.
Дым от камней сожжённого Нотр-Дама
Замкнул круговорот руин в природе.

Взлетел огонь на балки и консоли,
И витражи растрескались от жара.
Кривился день, как еретик от боли,
Признавший жуть вселенского пожара.

Суть человека подлинна, как слухи,
И неизменна, словно постулаты.
Идут бок о бок зодчество с разрухой,
И есть на каждый храм по Герострату.

Так книга жизни пишется годами,
А на глазах сгорает и — не взыщешь.
...Там кто-то бродит пустошью Нотр-Дама.
Поправ святыню, свято место ищет?

ПРОСЬБА К АНГЕЛУ

Побудь со мной у правого плеча,
Оставь свою намоленную фреску,
Подай мне знак, пока горит свеча,
Рукой незримой тронув занавеску,

Раздуй огонь во снах, как наяву:
Он помнит вечность, он — её движенье.
И я прочту Десятую главу,
И «Мёртвых душ» узнаю продолженье.

Представляю, как, смеясь, горел Щедрин,
Как Достоевский морщит лоб угрюмый,
Как Герцен смотрит пристально в камин.
Огонь былое превращает в думы.

Благое дело рукописи жечь, —
Есть, что беречь и от чего отречься...
Не столько речь важна, не столько печь,
Как самому до этого обжечься.

* * *

Пробудившийся день, колокольный,
Шумный от говорливой родни,
Будет ветер листать самовольно,
Словно книгу, дальнейшие дни.

Дремлет пруд, на безрыбье говея,
Жаждет зёрен безгрешная грязь,
От предвзятости лечит идею
Синь, безоблачным счастьем делясь.

И рискнешь этим грозным простором,
Выбьешь дурь из больной головы,
И найдёшь под калечным забором
Беззаботный росток трын-травы.

Лишь должны растворится вначале
В золотистом настое весны
Отболевшее чувство печали,
И напрасное чувство вины.

* * *

Май проскользил по полу сквозняком,
Освободил от моли коридоры.
Но лёгкость крыл над свежим лепестком —
Есть откровенье фауны и флоры.

Созрел под солнцем сладкий медонос,
Уходит вдаль колёсная распевка,
Не прерывая счёт метаморфоз,
Омоложают вечность однодневки.

Открой мне день, где в окнах облака,
Где ветер жизни ощущаешь кожей.
Меня пугает участь мотылька,
Но мне сиюминутное дороже.

ВЕСНА В ПАРКЕ ИМ. ШЕВЧЕНКО

Март полным ходом движет, в полный рост,
Он рад послушать новости сорочки,
Что продолжают небо многоточья
Недавно свитых новобрачных гнезд.

В мечтах примерив будущий наряд,
Чтоб удивить потом атласным блеском,
Переплетённых веток арабески
Заранее приковывают взгляд.

Ракушкой с круглой пластикой воды
Нависли своды над фанерной сценой,
Где в пёстрых платьях встали манекены,
Образовав торговые ряды.

И только пианино в стороне
Обречено, как стебелек побега
Любить среди былой беды и снега
Саму печаль по будущей весне.

Не музыка фальшивит, не струна,
А — музыкант. А ты опять представишь.
Как занемевший от застоя клавиш
Запал... на цвет вишнёвый после сна.

* * *

Вместо счастья мне обещаю
Даль и клинопись птичьих стай.
Ночь и августа маков цвет,
Рунной музыки флажолет.
Я прошу у тебя не много.
Подари мне на память дорогу.
Пусть догонит меня жеребёнком,
Не откажет в лёгкой суме.
Тайно благословит иконкой
И утешит вином в корчме.
А другого не обещаю.
Я потом оглянусь невзначай
На подаренную дорогу
С лебедой её и тщетою,
Пусть мешали пыль под пятой,
Острый камень, подъём крутой.
Но она и была от Бога
Но она и была золотой.

* * *

Молчком, но с явным интересом
Зелёные ряды посадки
Соизмеряет тайну леса
С очарованием загадки.

Качнутся веток силуэты,
И облаков густые брови
Сомкнутся в поиске ответа
С макушками акаций вровень,

И поплывут с отгадкой странной,
Что жизнь отсчитывают весны,
Которым завершаться рано,
Которым приходиться поздно.

* * *

Солнце низко — почти у обочины,
Тёмный холод идёт от воды.
Для кого к небесам приторочена
Одинокая блёстка звезды?

Даже свечку неровно оплавило
Наваждение смутных времён,
Где под игры подогнаны правила,
И не каждому писан закон.

Только ночь не бывает рассудочной.
Открывается небо окном.
В доме тихо, за стенами — сумрачно.
Утомлённо широким крестом

В обе стороны руки раскинуты,
Будто хочешь обнять белый свет.
Всё попрай бы, как ангел низринутый.
Но иного спасения нет.

В морщинках трещин, в паутине лет
Любуется прибором город Сет,
От рыбьей чешуи блещут лучи,
Веслом по борту лодочка стучит.
Дым парохода. Порт...

Не знаю сам

Зачем по мокрым охровым камням
Я, как француз, в берете и кашне
Шёл к маяку, который Клод Моне
Изображал.

И снова — как тогда

Бесшумно кисть касается холста.
Стоит скала. Рассвета ждёт коса.
Одушевляют гавань паруса,
Мне оставляя ветер кочевой
И репродукций глянец неживой.
Так от кормы волнообразных лет
Давно отстал солнцелюбивый Сет,
И, кашлянув, старательно ведёт
Мечтам и дням неторопливый счёт.
Когда ж по сбитой лестнице наверх
Идёт, хромая, XXI век,
И набегают запад на восток,
Приятно вспомнить южный городок,
Где в свой черёд под здешним маяком,
Любили жизнь художник с моряком.

ИМПРЕССИОНИСТ

Художник выпивал стакан вина,
Этюдник брал и уходил подальше
За город, где рассеивались дачи,
Где округляла дали кривизна,
А справа за плечом стоял восход,
И, шуря глаз, работал до заката.
Морская галька лёгкое стаккато
Бубнила, и зевал щербатый грот.

И запах скипидара был не лишним,
И недокурок, на губу налипший...

Вот парадокс искусства: внешний вид
Художника неяркий, он небрит,
Вдали от моды, светскости, мазурок,
Сам неказистый, как его окурок,
А вот поди — прекрасное творит,
В мгновениях и красках ищет сходство!

Служение искусству — благородство,
Воспитанное каждым в свой черёд.
И что тогда известность и крамола?
Он ловит брызги мелкого помола,
Перебирает и на холст кладёт.
Так и живёт художник Клод Моне,
От круглых франков пухнет портмоне,
Глаз различает ультрафиолет
И те цвета, которых в мире нет.

2.

...Лишь крутит ветер пыль в солончаках.
Лишь море беспокойно, как держава.
Покачивая небо на рогах,
Бредут коровы. Засыхают травы.

В горячих чреслах грусть и молоко.
В глазах лиловых соль и поволока.
И в родословной памяти легко
Заметить след колхозного оброка.

Сижу поодаль. Время стерегу.
Так тихо, как в преддверии потопа.
...Огромный бык лежит на берегу.
Глядит на море. Ждёт свою Европу.

3. Грибник

Наставляет меня, как прочёсывать взглядом смышлёным,
Прелый дёрн, поучая намёком, как местный Эзоп,
Суть грибничества в том, что в поклоне спадает корона,
И дороже находки потеря, открывшая лоб.

Но на кухне потом в тишине, пропитавшейся луком
И сушёной травой, что пучками висит на стене,
Не умея сдержатъ бессловесности скрытую муку,
Он глотает слова, торопясь исповедаться мне.

То грустит, что накинул цветной маркиzet покрывала
На экран, насмотревшись до слёз новостного дождя.
То смеётся над тем, что свергают вождей с пьедесталов,
Чтоб на голое место другого поставить вождя.

Он привык в простоте одичалой не ведать обмана,
И так истово дымчатым утром, октясь на зарю,
Осенять свой удел, словно знаменьем, синью лимана,
Где темней и страшней ледяная вода к ноябрю.

НА МОГИЛЕ ВОЛОШИНА

Лиловый киммерийский Крым
Открыл свою ретроспективу:
Могильный камень, а над ним
Седое дерево — олива.

Я путник давешней тропы.
И так желанно, что не страшно
По волоку чужой судьбы
Пройти сквозь каждый день вчерашний.

И птичий слушая галдёж,
Ты, притворяться здесь не смея,
Чужую жизнь переживёшь,
Чем сделаешь свою длиннее.

Но следовать чужим путям
Нельзя: они уведут в осень
минувшего.
Чужим смертям
Грешно завидовать и вовсе.

Свобода, тишина и труд...
Чего ещё желать поэту?
А люди, что к нему идут,
Морские камешки несут
К надгробью. И мелеет Лета.

Где божественный Данте закончил земные круги,
Где пылающий Байрон любовь свою прятал за стены,
Я когда-то родился... Тех лет продолжая шаги,
Я вернусь в этот город, что вечностью назван Равенна.

Хладнокровный, как мрамор, врезается в сумерки дня
Парус, выпятив грудь.

Тает в море напев колыбельной,
Спетой не для меня. А могли бы покоить — меня
Рей сосновых качанье и шорох сосны корабельной.

Как ребёнок, играл бы с дельфинами, как мореход
Вновь открыл бы и порт, и флажка указующий палец,
И сквозняк переулков Равенны, в которых живёт
Дух пророчеств, летающий над тишиной усыпальниц.

Нет к пророкам любви, но слова, избежав глухоты,
Иногда одинаково слушают сердце и уши.
Там закрыты долги, и манжетами стёрты висты.
Ни одним парадоксом поток перемен не нарушу.

Но хотя бы увидеть за шторами твой силуэт,
Только б глянуть в окно, толщу времени преодолая,
Где, наполнив кувшин, чтобы в воду поставить букет
Белоснежных цветов, ты всегда меня ждёшь, дорогая.

* * *

Аунас: что «прощай», что — «пока»
С обаяньем вчерашних приветствий.
Мир нестроен из-за пустяка,
И не ровен от несоответствий.

Нет да нет, а сошлёт в штрафники
Сверка подлинного со вторичным.
Пусть дыханье и песня близки,
Только голос и пенье различны.

Фотографии меркнет анфас,
Но примеров таких миллионы,
И отчаянье глупо, как фарс,
Как дуришь со стоп-краном вагона,

Как не знать от усталости сна,
Отказавшись от предназначенья.
Потому что всему есть цена,
Не имеющая измеренья.

Молчать или общаться?

Нет дилеммы

Сложней, когда в речах мы безоружны.

Заговорить на общем языке мы

Должны бы, и для этого лишь нужно

Не перейдя рубеж лицеприятя,

Создать словарь на языке ничейном,

Чтоб нам двоим понятные понятия

Распределить по смысловым ячейкам,

Чтоб образцом, сошедшим с книжных полок,

Без подтасовок был он и блезира.

Но что способен изменить филолог

В порядке схем технического мира?

Тут ты бедна, российская словесность!

Ведь в кабинетах с творческою пылью

И классиков терзала неизвестность,

Когда казались ангельские крылья

Им то не по плечу, то не по росту...

Так и поймёшь на общей вертикали,

Как Ожегову думалось непросто.

А Далю какво, а Розенталю!..

ВЗГЛЯД НА ЗИМУ

С грядущей весной и бенгальской трамвайной дугой,
С печным отопленьем, с контрастами снега и дыма, —
Во многом обычной, но всё же немного другой
Я, чтоб объяснить наши странности, выдумал зиму.

Я выдумал зиму такой, чтоб жилось налегке,
Пускай она даже со мной соглашаться не хочет.
Мелькают снежинки и тают на воротнике,
И ветер изменчивый воображенье щекочет.

Но вот и зима, чтобы не оставаться в долгу,
Меня, холодком приморозив, придумала тоже.
Мне вымысел дорог, ему предаваясь, не лгу.
И дорого уединенье. И плед мой, похоже,

По случаю держит под клеткой шотландской тепло.
А от февраля отделяют непрочные двери
И полупрозрачное в мокрых подтёках стекло.
И мы друг на друга глядим и друг другу не верим.

В обрамленья кольца приуныл попугай-попрошайка.
Не меняются люди, меняя свои адреса.
Разве стирку во время дождя затевают хозяйки?
И на кухне твоей завелись в решете чудеса.

Дождик с неба бегущий со стрёкотом швейной машинки
Беспредметностью темы похож на твою болтовню.
Только не умолкай, только пой и кружись, как пластинка,
И над газом суши в голубых облаках простыню.

Чайник выпустил пар, хорохорясь, и пышет эмалью.
Ни к чему этот чай, золотая шашла, алкоголь.
Только не уезжай за шальной иноземной печалью, —
Там отчаянье родины вскроется, как бандероль.

...Только не забывай. Там, за морем, баталий не слышно.
Отсеваются плевелы. Спит чемодан под рукой.
Слился с рокотом лайнера грохот кудрявый на крыше,
Сладкий вкус виноградины тает за мокрой щекой.

* * *

Улиц чумных какофония,
Липкое слово: *please*
Что это: Калифорния?
Или сказочный Лисс?

Память, как узел Гордиев,
Рубишь день изо дня.
Там, в чужеземном городе.
Как тебе без меня?

Робость приходит к ропоту,
Радость впадает в спесь.
Знаю давно по опыту,
Как без тебя мне здесь.

Сколько времени пройдено!..
Ты припади сейчас
Чувствами к новой родине.
Как тебе там: без нас?

* * *

Грибного сезона премьера,
Молчанье под стать деревьям,
Сложившим и цену, и меру
Не произнесённым словам.

Теряется нить разговора,
Вот-вот оборваться грозя.
Мы два никудышных актёра,
И нам притворяться нельзя.

Нельзя повторяться в надеждах,
Что будем наивны и впредь.
Но жалко состариться прежде,
Чем нам предстоит повзрослеть.

* * *

Пять лет надежд, догадок, недомолвок,
Попыток время повернуть назад.
Пять раз являлся май в сиянье молний,
Пять раз сознанием правил листопад.

Уходит ночь шагами командора...
Прощенье тоже свойственно борьбе.
Пять червоточин в яблоке раздора:
Пять лет с тобой, как пять шагов к себе,

И, наконец, сложившаяся мера
Того, что можно и запрещено.
Но любо глянуть, как пенсионеры
Вбивают в стол костяшки домино,

Рождая ритм, с печалью не согласный.
Так примечанья учат по слогам.
Светясь боками, яблоко соблазна,
Упав с прилавка, катится к ногам.

Пять лет! Я их, конечно же, запомню.
Жизнь показала, чем они важны,
Когда в ущербе становилась полной,
Как дорастает месяц до луны.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

1.

Наверное, таким и быть должно

Рождение звезды:

в приделе дома,

В тепле, под золотистый хруст соломы,

Где перспективой ночи и объемом

Пространства увеличено окно.

Всех рассуждений мудренее утро,

Верстак рабочий, кухонная утварь,

Нить провиденья и веретено,

Крик петуха и бляенье овечье.

Насущный хлеб и слово человечесье,

В котором Божье распознать дано,

Едва ли приближаясь к пониманью

Его значенья, как и в дни, когда

Открылся миру в сонном бормотанье

С улыбкой, озаряющей уста,

Ещё младенец, но уже — звезда.

2.

Не столько падал, сколько ниспадал,
Скользнув по кровлям будничной недели,
Небесный луч, который указал,
Где будущее дремлет в колыбели.

Кто мог, тот верил, кто не мог, тот ждал,
Кто вразумлен был, тот не подал виду.
Немногословный Иордан мерцал,
Как будто ощущал свою планиду

Быть превращённым в первую купель.
Длинней эпох, но распрей их короче,
Соединял пространственный тоннель
Земную брэнность и сиянье ночи,

И, как ладони, сблизил верх и низ,
Добро и грусть, восторг и винопитье.
Болезнь идей — это эпикриз
Недуга, что вне места и события:

Любви, чтоб жить, не нужно ни строки.
Но без любви не сможет жить поэма.
Ночь. Рождество. Слагаются стихи
На вечно недосказанную тему.

ВЕЧЕР ВО ЛЬВОВЕ

1.

Мечтательный кофе, эклектика пиццы,
Каменя тенистого средневековья, —
Всё в улочке сторбленной, словно черница,
Ведомая в жизни иною любовью,

Иной тишиной сокровенных печалей,
Смягчающих наших сует аритмию.
Ещё от перрона состав не отчалил,
И можно поставить лампадку Марии...

Поверить, что жизнь повторяется снова,
Чтоб хлопнуть тебя по плечу фамиллярно,
Вернув к дружелюбию старого Львова,
Позвавшего выпить за столик «каварни».

Стихают к луне обращённые тосты,
Легко в силуэт превращается башня,
И кажется, всё настоящее — просто,
А то, что ещё ожидает, — не страшно.

2.

...Здесь фанная скрипка с венгерским акцентом,
Едва зазвучав, соглашается с вами,
Что музыка может не знать себе цену,
Но мыслью владеть, не владея словами:

По-вдови печальна, по-детски наивна,
С дурашливостью площадного фигляра.
...Зелёные, красные, синие гривни
Летят на суконное донце футляра.

Маэстро на улице — как на подмостках,
Смычком берedit ретроградное соло
Столетия, склонённого над перекрёстком, —
Как шёпот раскаянья в нише костёла.

Похож на орнамент, что крестиком вышит,
Наш век XXI...
С рассвета не в духе, —
Он честно старается скрипку расслышать.
Но снова стреляет в заложенном ухе.

3.

Трамвайчик проходит неспешно и плавно,
Как такт полонеза в прощанье недавнем,
Но длящемся, словно скольжение минуты
По рельсам, где счёт остановкам маршрута
Звоночки ведут металлическим боем.
Кто может сказать мне, что я не с тобою?
Как можно представить, что ты не со мною
Проходишь сейчас под шершавой стеною
С высоким окном, обрамлѐнным лепниной?

С горячностью польской звучит пианино,
Скользит полонез, будто масло льняное.
Что будет с тобою? Что стало со мною?
Что важно в судьбе?
Не итоги, не факты,
Но их воспрятье, но значимость фанга,
И то, что достаточно лишь оглянуться
На город с оставленной чашкой на блюде,
С пружинкой его музыкальной шкатулки
Близ юркого, как воробьи, переулка,
Где с лёгким кивком проплывают трамваи,
Присутствия нашего не замечая.

4.

Ты не поверишь, если не увидишь
Ряды базара бойкие, как идиш,
И перекрёстки встреч... или прощаний,
Где меньше слов, но больше обещаний,
Где вечер тенью падает на плечи.
Пока идёшь — сама дорога лечит.

Вот поворот, прохожий двор, кофейня,
И новояз двусмысленный, как феня,
Портрет «вождя», фонарики, скамейки,
И способ выжимать слезой копейку
У попрошайки с хриплою гармошкой.

Собачий вальс хромает вдоль дорожки,
Где куст, как лев, постриженный «под ёжик».
Тому, кто внять харизме этой может,
Останутся от города в наследье
Эклектика его и долголетье,
Боль, что легка, грусть — что высокомерна,
Желанья, что сбываются.
...Наверно

РИМСКИЙ ДЕЗЕРТИР

Надо мной набухают тревоги,
Как у римской волчицы соски.
Сыто спят у котла едоки,
Тает ночь на походной треноге
И ещё копошится в золе.

Я бежал, чтоб в грядущем очнуться,
По горячей буджакской земле
На скрипучей румынской каруце.

Но сегодня мне некуда деться,
Я чужой в этом мире чужом:
Там — меня своенравным мечом
Покарает разгневанный децим
Весь в испарине хищных побед.
Здесь — попрание прав и законов.
Так зачем за две тысячи лет
Я ушёл от своих легионов?

Победивших обманет успех,
Проигравших — проводят со свистом.
Но всегда получать пацифисту
По щеке и от тех, и от тех.

* * *

И снова — время: то печаль, то злость,
То колебанья возле переправы.
Жизнь — на изломе: так страдает кость,
Когда её опять, чтоб всё срослось,
Ломают не врачи, а костоправы.

Так преломляют чёрную двустволку,
И, в руки взяв холодную иголку,
Сшивают наспех рваные края
Подпорченной, но всё же грозной шкуры.
Так, возвращая на круги своя,
Родится тусклый свет литературы.

...По случаю, порой пишу и я
В уединенье, избегая сборищ, —
Горланов площадных не переспоришь,
А наберёшься, словно блох, сумбура!

Но, времени придясь не ко двору,
Тенденциям наличным и безличным,
Я буду лишним на чужом пиру.
На чуждом для меня — я буду лишним.

* * *

Нам ни к чему теперь обиняки. . .
Вот, растопырив пальцы, мокнут клёны,
Идут к окрестным рощам грибники
Земным дарам отвешивать поклоны.

Так низко хлябь небесная висит,
Что заклинать дожди не нужно жабам.
Теперь — ссылаться многим предстоит
На смену ампула и кризис жанра.

И головную боль за счёт ходьбы
Лечить вдали от всех. Однако стоит
Идти в осенний лес, как по грибы.
Искать печаль, что сердце успокоит.

Острее станет в поисках чутьё,
Когда преломит свет пора грибная.
Взгляну в тебя, как в зеркало своё,
Но я себя в нем больше не узнаю.

* * *

За ум не нужно братьяся, как за гуж,
Приняв догадку просто так: на веру.
Подхвачена листва спиралью ветра, —
Не тихий уголок, а — Мулен-Руж.

Желтеют листья выводком цыплят:
Но и в беспорных фактах нет порядка,
И только жаль, что детские площадки
В простудной хвори хнычут и соплят.

Чтоб свежим ветром надышаться впрок,
Исполнит дымоход отрывки арий,
Озябший Крым сведёт в один сценарий,
И нас, и листопадный городок,

Где на посту подзорная скала,
Где здешние места, что сняты в фильмах,
Узнать сумеет каждый простофиля,
И где вечнозелёная игла

Сосны

уколет память. И дома
Туман облепит сдобною опарой,
И кто-то скажет вслед, что мы не пара,
Как для интриги в новом синема.

КРЫМСКОЕ...

Вспоминать — словно кожу ссаднить о наждак.
Забывать — словно лист отрывать от тетрадки.
О курортных романах судачит Судак.
Может быть, и о нашем, приврав для порядка?

Я бы внёс обязательно в крымский буклет
Даже глиняный голос из уст окаринки,
Чебуреки с дымком, и счастливый билет
Попугая-гадалки, и пряности рынка,

Что слегка осовел от жары и стряпни,
На котором не страшно прослыть легковерным,
И по пальцам считать календарные дни,
Что со внутренним временем не соразмерны.

Как уйти от каракулей тех адресов
К серым канцеляризмам, простудной погоде,
В свой умеренный климат, где стрелки часов
Переводят, чтоб жили мы не по природе?

В чаше синей долины остался Грааль,
Спор наш на поцелуй и мой проигрыш в споре,
Привкус позднего лета, как терпкий миндаль,
Что растёт вдоль дороги, впадающей в море.

* * *

Под небом яблоки висят,
И вечность предлагает тему,
Как будто этот тихий сад —
Остаток бывшего Эдема.
Как будто мы ещё в раю,
А не изгнанники из рая,
Потерянного в том краю,
Где гаснут звуки, замирая.
Потерянного так давно,
Что места нет для ностальгии.
Да и не первенцы мы, но
В постигшем будущем — другие.
И всё же выпадает нам,
Узлов судьбы не развязавшим,
Воздать за яблоки громам
Потрясим лиственную замшу,
Теплить рассветы на стрехе,
И наслаждаться ветром встречным,
И радоваться во грехе
Тому, что мы не безупречны.

ДЕНЬ ОСЕННИЙ...

Не так в сужденьях опрометчив,
Как просто занятый собой,
Он, походя очеловечив,
Пустой квартал, по мостовой,

По тротуарам и газонам
Без остановки, напрямик
Прошёл в пальто демисезонном,
Подняв шершавый воротник.

Шагал, по сторонам не глядя,
Так отражая встречный норд,
Как в дом щенка несут и гладят
Рукой, заложенной за борт.

И потянулось ожиданье,
Вслед за рассеянным: «Да-да...»
Часы сверяя по свиданьям
И по морским волнам — года.

Но ты уходишь, словно время,
Ещё отпущенное нам.
Поэтому и день — не в теме,
И нет следов, чтоб по следам

Идти, как по врачам занудным,
Как будто всё пошло вверх дном.
День был не страшным и не судным,
А лишь простым осенним днем

В плену забот и долгостроя...
Прости, а будешь ли прощён,
Уже не важно. Бог с тобою!
Ведь жизнь не кончена ещё.

* * *

В первородстве у любви — стрела.
А потом размах и два крыла.
Дай мне, Боже, выстрадать ветра
И упругость этого пера,
И круженья горнего полёт
С отраженьем в глади чистых вод.

Что любви преграды на пути? —
Раскрывай объятия и — лети,
Можешь с нею одолеть тщету,
Искушенье, хворь и нищету,
Пересилить наважденья мглы...
Только крылья больно тяжелы!

РАССВЕТНОЕ

Это время короткое, словно тост,
Промелькнуло праздничным серпантином:
Было раннее таянье льдистых звёзд,
В филармонии утреннее пианино

Не заснёт.

Кто-то там, за витражным стеклом,
Непокоясь, по-птичьи мотая шей,
Шлёт послание звуками в чей-то альбом,
О любви по-другому сказать не умея,

Городского уклада нарушив статью,
Не желая, не думая остановиться,
Он нежданную осень играет свою:
Как легло — так идёт, как идёт — так ложится.

Больше музыки этой не слышал никто,
Разве только лишь листья в оранжевой дрожи,
Разве лишь промелькнувшее мимо авто,
Или вброд эту ночь перешедший прохожий

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Снег днём белёсый, к ночи — синий,
В сенях рассвета — желтоватый,
И пахнет свежестью, как дыня.
А на опушке — ноздреватый

И лепится, как хлебный мякиш.
Сюда, от солнца разомлевший,
Но с колотьём, в груди щемящим,
Приходит к снежной бабе леший.

Она в лучах от страсти тает,
На лес уставившись морковкой,
Да что там, — просто пропадает!
Он от волнения неловкий,

Переминаясь неуклюже,
Снимает шапку: мир с тобою!
И обойдя по краю лужу,
Бредет в своё дупло лесное.

И сам с собою битый вечер
Рядится в умствованьях долгих,
Что их свиданье было встречей
Пускай нечаянной, но доброй,

И ждёт явленья снежной гостью,
Что так же спят под Сочельник,
В свои дремучие уголья,
В мохнатый заповедный ельник.

* * *

Если ты не поёшь, ты — грустна,
Если снова запела, ты — птица,
Что не ведает, где приземлится,
И не знает, кому суждена.
Гомон тысяч гнездовий и стай
Сочетала ты в песне, в которой
Никогда не бывает повтора, —
С ней бы длился до осени май,
Лёгким ветром крыла теребя.
Предавалась ты пенью всецело.
Я безмолвствовал, как ты велела,
Чтобы слушать мне только тебя
И призывно текущую речь.
Но тогда я тебя наудачу
Отпустил, потому что иначе
Я свой голос не смог бы сберечь.

Не знаю за собой вины,
Что жжёт сильней огня.
На все четыре стороны
Ты отпусти меня.

Закрою сердце на замок
И разлюблю весну,
Пока из тысячи дорог
Не выберу одну.

К заре потянется восток,
Отбившийся от рук,
А, чтоб я не был одинок,
Поманит песней юг

В мир, где едино торжество
Лучей и глубины,
Где служат цельности его
Четыре стороны,

В грядущий день, в далёкий край
Искать мечту мою.
И если это будет рай,
Мы встретимся в раю.

К тебе уставший от потерь
С тоской, но не виной
Вернусь я. Ты безмолвно дверь
Замкнёшь передо мной.

Не в праве я тебя винить
За не накрытый стол:
Мне нужно было уходить,
А нужно, значит, — шёл.

Вновь под ноги ложится тракт,
Мне вслед глядишь в окно.
Я не хотел, чтоб было так,
Но так заведено.

Или другого образца
Не знает белый свет
В истории, где нет конца?
Да и начала нет...

Жара была такой невыносимой,
Что никли даже гроздья винограда,
И задыхались кроны, как от дыма.
И стал июль началом листопада.

Он волновал воображенье спален,
Но, наделённый вдруг осенним правом,
Был мудр — и только потому печален,
Цвета и блики сочетая в сплавы.

Земная ось меняет угол крена,
Смягчая нрав природы полусонной, —
Так входит возраст в пору перемены,
Отнюдь не юный, но не столь преклонный,

Чтобы расстроить вечер променадом,
Или считать касанье рук — привычкой,
И проглядеть за ранним листопадом
Цитату жизни в бережных кавычках.

* * *

И молодость пройдёт, и листопад.
И присной жизни пожелтевший свиток
Архив не выдает как дубликат.
И забытья спасительный напиток,
Набив оскому, успокоит ум.
Шкаф напоёт дверною половинкой,
Что приобретший твой рельеф костюм
Не подлежит ни носке, ни починке.
И та одна, что обожгла судьбу,
Дождинка, невзначай из глаза выпав,
Раствором соли увлажнит губу
И пропадёт в плену стереотипов.
Лишь тишина придёт, как благодать,
Губу закусит долгое терпенье.
Осталось ждать. Как много нужно ждать
Таких простых минут освобожденья!

Пусть то, что начал, заново начать
Уже нельзя, но можно продолжать,
Перевернув песочные часы.

...Смех, леденцы, футбольные пасы,
Песочница...
Любимая игра:
Копать колодец детского двора.
Посмотришь с крыши, как с вершины лет:
Всё тот же двор, а дна как будто нет.

Есть отражённый окнами зенит.
По тротуару дождик семенит.
Струится свет по мокрому плыщу.

Я, наконец-то, сам себя прощу
За то, что время у себя украл,
Когда перемудрил и перестал
Из горсти в горсть пересыпать песок
Так, словно детством запасаясь впрок.

НА ЛИМАНЕ

Спит на боку разохшийся баркас...
А больше ничего не происходит.
Лишь солнце, раскалив пустой лабаз,
Как лишний штамп в амбарной книге, сводит
Издержки жизни.

Лишь с кормы баклан
Глядит в зенит, как часовой погоды,
И не ведёт от лениости лиман
Счёт датам и волнам.

Рыжебородый
Мыс, явно целясь очевидцу в глаз,
Бутылочным осколком ловит лучик, —
Или подковой, что носил Пегас.
Всё лучшее сбывается сейчас.
И незачем печалиться о лучшем.

Что лучше сна, похожего точь-в-точь
На жизнь?

А сны? Лишь чаще и короче!
Вечерний город уплывает в ночь,
Не сознаваясь в том, что любит ночи.

Он нервно вздрогнет, заболев стихом,
Скользнёт вслепую ручкой по бумаге,
И будет долго разбирать потом
Поспешных букв скругленья и зигзаги.

Он что-то проглядел на этот раз?
Не дует в ус? Рядится? Возражает?
Он после будет понят, а сейчас
Часы и дни свои опережает.

Блестит гламур улыбчивых витрин.
Сверчки стрекочут. Ветер пахнет пиццей.
Пусть рядом никого — я не один:
И город мой не спит, и мне не спится.

* * *

Время то растянуто, как гармонь,
То до боли сжаты его меха.
Но в любом общенье живёт огонь,
Оседают пепел, горит труха.

В серый лёд впечатан чужой каблук,
Бьёт январь, как правда, — не в бровь, а в глаз.
Где ты, закадычный фейсбучный друг?
Отослал бы с весточкой пару фраз.

Или ты на поиски тишины
В никуда уехал назло делам?
И тебе не хочется белизны,
Потерявшей свежесть в огнях реклам?

Для того и выдуман интернет,
Чтобы душу выложить в двух словах
Дружбану, которого рядом нет,
Но с каким плутаешь в одних сетях.

А под боком — жизнь: там собачий лай,
Там бранится дворник, такси гудят.
Нажимаю клавишу, ставлю «лайк»:
«Счастья, виртуальный мой адресат!»

НАЧАЛО ОСЕНИ

По свету раскатились дни
Округлые, как «симиринка»,
Из опрокинутой корзинки,
Спроси их: где сейчас они?

Ещё светящийся фонарь
И угасающие звёзды,
Как поцелуи, шлют репосты
Друг другу в утреннюю хмарь.

Зелёной памяти стезя
Покрылась золотистым шлейфом.
Запретный плод представишь блефом, —
И... можно то, чего нельзя!

А после убедишься сам,
Идя по зову заморочки,
Что все расставленные точки,
Как видимо, стоят не там.

* * *

...А ночь корит, как старые долги.
Сняв «пятирчаткой» головные боли,
Вдруг услышав на лестнице шаги,
Почувствуешь сарказм: «Не за тобой ли?..».

Жизнь промелькнёт, как в спешке на вокзал,
Умерив совесть прихотями тела.
Там промолчал, там лишнего сказал,
Пообещав, и мог бы, но — не сделал...

Стираешь пыль с рабочего стола, —
Пусть из любви к вселенскому порядку.
И выгребаешь залежь из угла,
Сложив к листу листок, тетрадь к тетрадке.

И, что не так лежало и не там,
Положишь — так! И жизнь переиначишь,
Покуда всё расставишь по местам!
А после... После снова напортачишь.

* * *

«Кузнечик дорогой...»

М. Ломоносов

Кузнечик на моём ботинке
Сидит, расправив пенъем грудь.
Но чем свистящей хворостинкой
Его сольфеджио спугнуть,
Мы лучше солнышком подышим, —
Два незнакомых существа.
И пообщаемся неслышно
По праву лирного родства.

В. Дроботу

...И вот в глаза глядит звезда
Как знак седьмого измерения.
Зажмурившись, хоть на мгновенье
Возможно ли попасть туда?

В то царствие иных основ,
И возгласов чистосердечья,
И образов, и красноречья,
И символов, и свежих слов,

Что оставляет каждый век,
В собраниях полных и неполных,
Которые ручались помнить
Хранилища библиотек.

На вкус, на ощупь, наугад
Искать их, как замороженный,
Пойдёшь, куда в тоске луженой
Макар не гнал своих телят.

Шагам, рожденным без дорог,
Слова и станут оправданьем,
Когда седьмого неба грани
Покажутся в оправе строк.

КОРРИДА

Ушастый кактус, пальмы и берёзы,
И синева, в которой даже Эрос
От умиленья обронил бы слёзы
В ладони, что подставил Альхисирас.

Он повидал столетия и виды,
Эпохи войн — и сбросил груз доспеха.
...Всего лишь час, как кончилась коррида,
И рёв трибун снесло в Гибралтар эхо.

Тореро курит. С ним почет и лавры.
Никто не скажет, что его тревожит.
Он сто быков убил! Но Минотавра
Он победить в себе никак не может.

В его бреду рассыпаны, как пазлы,
Дыханья смрад, шершавость холки грубой,
Свист! *Coup de grâce!*^{*}
Впиваются до спазма
В мундштук из вишни стиснутые зубы.

А завтра снова полдень: час кровавый.
И чёрный бык, копытом землю роя,
И тошнотворный страх, и жажду славы
Вновь сопоставит с имиджем героя.

^{*} *ку-де-грас* — смертельный удар из милости

В ИЛЬИЧЁВСКОМ ПОРТУ

Доставило судно команду и грузы,
И шквальных широт голоса.
Аврал. Передышка. Таращатся клюзы
На гладь, где резвится хамса.

А вечер вразвалку сошёл с акведука,
И стала темней глубина.
Сопереживая моряцким разлукам,
На гаке зависла луна.

Зачем ей катиться вдоль крановых рельсов,
Глядеть в окуляры кают,
И снова встречать пароходы из рейсов,
Что вновь без оглядки уйдут?

Но так ли важны корабельные дали,
Как те, кто вблизи и вдали,
Что мысленно не расставались и ждали,
Поскольку забыть не могли?

* * *

*«В дождь Париж расцветает,
Словно серая роза...»*

М. Волошин

Одесса в дождь похожа на Париж,
Который расцветает серой розой,
И от пьянящей свежести — паришь
Над грустью дня, над бременем прогнозов.

И видишь город-праздник с высоты
Пусть не полёта, но — воображенья.
Внизу ныряет Сена под мосты
И парходик, что плывёт по Сене.

Кружи со мной над крышами домов,
Там, в небе, нет преграды между нами.
И можно говорить почти без слов.
Совсем без слов: одними лишь глазами.

Одесса — это маленький Париж,
Где дождь привык дразнить и хулиганить,
Пусть, отрезвив, ты, как всегда, велишь
Перекреститься и в реальность кануть.

Но запах розы так же ощутим,
И парходик вновь кричит, отчалив,
И вновь смешное кажется — смешным,
А что печально — снова беспечальным.

* * *

Проснись и пой, заблудшая страна,
Ты совершила выбор, — жребий брошен.
Трещит по швам разутая казна,
Грядущий путь долгами запорошен.

Своим сомненьям подведи итог,
Проснись и пой, мечтай о доле лучшей.
И если заурядный случай — Бог,
Признай, что нами управляет случай.

Проснись и пой, — кто весел, тот и рад.
Кто глух и нем, те позабыть успели,
Как, полыхнув огнём, шальной снаряд
Направлен в цель, не понимая цели.

Проснись и пой на языке любом,
Поможет песня одолеть мытарства.
В которой церкви об пол биться лбом,
Чтоб примирить народ и государство?

И я встаю: свистит щеглами рань,
Растёкся луч по ободочку блюда.
И ветер свеж, но сдавлена гортань,
И песни есть, но что-то не поются.

Часы — стоят! Пустой тарелкой
Стал циферблат. Зависли стрелки,
И ни назад, и ни вперёд.
Выходит, ни зимы, ни лета?
И от безвременья планета
С кругов размеренных сойдёт!

И маятник без амплитуды
Поник. Лишь давняя зануда, —
Кукушка держит хвост трубой.
Её немая забастовка
Почти, как сердца остановка,
Как певчего дыханья сбой.

Исчеркал графики фломастер...
Здесь нужен утончённый мастер
Не праздных дел, а — часовых!
Чтоб мир колёсиков, пружинок
И механических снежинок
Сберечь для хроники — в живых.

Мне жаль, что я, меняясь в лицах,
Не часовщик с целебной линзой.
...А он наладил с вечным связь,
Сосредоточась на пинцете,
Так самым дорогим на свете:
Рабочим временем делясь.

* * *

Лучше ветер в поле, чем в кулаке,
Лучше знать исход, чем делать «пирке»,
Лучше в нужном направленьи идти,
Чем кого-то обогнать на пути.

Слаще свежая вода, чем вино,
Зыбь надежнее, чем зыбкое дно,
Вера чище всех надежд впереди,
Если веры нет — надейся и жди.

Счастье лучше не искать, потому
Ни себе и ни другим, — никому
Зря не жалуйся, а, молча, держись.
Хоть скупа на привилегии жизнь,

Больше всех времен люблю я весну,
Больше музыки люблю тишину,
Больше праздника — значенье его.
Больше жизни не люблю ничего.

* * *

Благослови меня, весна,
Как музыку в концертном зале.
Пусть будут светлыми печали
И бестревожной тишина,

И пение твоих скворцов
Усилит жар кроветворенья.
Прими моё благодаренье
За твой неодолимый зов.

Меня крестившая страна
Глуха к нему, уйдя в мятежность.
На путь, ведущий в неизбежность,
Благослови меня, весна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Дымящая горечь равнины...»	5
«Когда был берег пуст. И ни причал...»	6
Одесса — Киев	7
«Все, как по нотам: клёкот страсти...»	8
В подражание Ф. Вийону	9
Попутное.	10
«Зима нахлынет белая, как май...»	11
«Устояв на скаку в стременах...»	12
Читая «Слово о полку Игореве».	13
Июнь.	14
«Подтверждена осёдлость адресами...»	15
В Приморской степи	16
«Часы стоят. Эпоха перемен...»	18
«Зной ли блещет, светлый дождик льёт...»	19
«Ставить точку пока ещё рано...»	20
«Разве мало весны с переменами ежеминутными?»	21
«Живя в пространстве для меня ином...»	22
«Поверив обещаьям ветра...»	23
Листопадное	24
Моему деду.	25
«...Останутся и вид на Ланжерон...»	26
«Поджимая колёса, как будто озяб...»	28
«Простая гамма сложных отношений...»	30
Батуми.	31
«Время то снегом идёт, то дождём...»	32
«Град небесный проморгали клипы...»	33
В монастыре.	34
Иисус	35
«Каждый отвечает за своё...»	36
«Меня с сырых пелёнок...»	37
«Звонок. Вот-вот начнётся лицедейство...»	38
«У города на каменном лице...»	39
О детстве	40
«Вчерашний день у перекрёстка...»	41

Выпускной вечер.	42
«Шумят ветвями или ропщут...»	43
«Упрямый поезд искры мечет...»	44
«И вечер, что растрогал иву...»	45
«Войну создают. И в основе её — интерес...»	46
«Умы — во тьме. Отечество в тумане...»	47
Масленица	48
«Ещё не дав осмотреться, где я...»	50
«Сухая папка с личным делом...»	51
«У славы тоже есть метаморфозы...»	52
9 Мая.	54
«То шоу, то дебаты, то пикеты...»	55
Мичман	56
Последний рейс т/х «Умань»	57
«Возводят храмы и сжигают храмы...»	58
Просьба к ангелу	59
«Пробудившийся день, колокольный...»	60
«Май проскользил по полу сквозняком...»	61
Весна в парке им. Шевченко	62
«Вместо счастья мне обещай...»	63
«Молчком, но с явным интересом...»	64
«Солнце низко — почти у обочины...»	65
«В морщинках трещин, в паутине лет...»	66
Импрессионист	67
Кинбурнская коса	68
1. «Раскинулась песчаная коса...»	68
2. «Лишь крутит ветер пыль в солончаках...»	69
3. Грибник	70
На могиле Волошина	71
«Где божественный Данте закончил земные круги...»	72
«А у нас: что «прощай», что — «пока»...»	73
«Молчать или общаться? Нет дилеммы...»	74
Взгляд на зиму	75
«В обраменье кольца приуныл попугай-попрошайка...»	76
«Улиц чумных какофония...»	77
«Грибного сезона премьеры...»	78
«Пять лет надежд, догадок, недомолвок...»	79

Рождественские стихи.	80
1. «Наверное, таким и быть должно...»	80
2. «Не столько падал, сколько ниспадал...»	81
Вечер во Львове	82
1. «Мечтательный кофе, эклектика пиццы...»	82
2. «Здесь фэйная скрипка с венгерским акцентом...»	83
3. «Трамвайчик проходит неспешно и плавно...»	84
4. «Ты не поверишь, если не увидишь...»	85
Римский дезертир.	86
«И снова — время: то печаль, то злость...»	87
«Нам ни к чему теперь обиняки...»	88
«За ум не нужно братья, как за гуж...»	89
Крымское.	90
«Под небом яблоки висят...»	91
День осенний	92
«В первородстве у любви — стрела...»	94
Рассветное	95
Весенняя сказка	96
«Если ты не поёшь — ты грустна...»	97
«Не знаю за собой вины...»	98
«Жара была такой невыносимой...»	100
«И молодость пройдёт, и листопад...»	101
«Пусть то, что начал, заново начать...»	102
На лимане	103
«Что лучше сна, похожего точь-в-точь...»	104
«Время то растянуто, как гармонь...»	105
Начало осени	106
«А ночь корит, как старые долги...»	107
«Кузнечик на моём ботинке...»	108
«...И вот в глаза глядит звезда...»	109
Коррида.	110
В Ильичёвском порту	111
«Одесса в дождь похожа на Париж...»	112
«Проснись и пой, заблудшая страна...»	113
«Часы стоят! Пустой тарелкой...»	114
«Лучше ветер в поле, чем в кулаке...»	115
«Благослови меня, весна...»	116

Литературно-художественное издание

**КИТИК ВЛАДИСЛАВ АДРИАНОВИЧ
О ТОМ, ГДЕ БЫЛ И НЕ БЫЛ**

СТИХИ

(на русском языке)

В авторской редакции

Макет обложки и вёрстка Костромин А. В.
Формат 84 x 108 1/32. Тираж 500 экз. Зак. № 7597
Бумага 80 офсет. Усл. печ. стр. 3,32.
Гарнитура «ArnoPro».
Подписано к печати 27. 03. 2020 г.

Издатель **Фёдоров О. Н.**,
«Друкарский двор Олега Фёдорова»
Адрес: а/я 24, Киев-205, 04205, Украина,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свидетельство о внесении в
Государственный реестр издателей,
изготовителей и распространителей печатной продукции
серия ДК № 3668 от 14. 01. 2010 г.

Отпечатано в типографии «**ТОВ 7БЦ**»
Адрес: 07400, бул. Независимости, 2/148, г. Бровары
Свидетельство о внесении в
Государственный реестр издателей,
изготовителей и распространителей печатной продукции
серия ДК № 5329 от 11. 04. 2017 г.